

погрузить в вечный летаргический сон. Поэма-сценарий заканчивается уверенностью ее автора в то, что, несмотря на внешний застой, на кажущееся безвременье, внутренне, подспудно, в жизни души совершалось движение и развитие: «Время шло. Время шло! Время шло!!!»

В лирике, философско-религиозной эссеистике и публицистике К. национально-историческая и метафизическая проблематика, связанная с взаимодействием кентаврических начал — языческого и христианского, европейского и азиатского, женского и мужского, бытового и бытийного — также занимает центральное место. Существенна в ее лирике тема взаимоотношений женщины и мужчины в интимной и общественной сферах, тема творческого самоутверждения женщины. Со временем в творчестве К. все определеннее основополагающими и путеводными становятся неохристианские, а точнее — неоправославные идеалы. В прологе к трагическому XX в. судьбоносную роль играли неохристианские, во многом противоположные друг другу, идеалы Л. Толстого и Вл. Соловьева. К официальному православию оба религиозных мыслителя, каждый по-своему, относились критически. Ныне, в постсоветское время, снова возрождается неофициальное, духовно-просвещенное неохристианство, в т. ч. и среди писателей. Неохристианство К. имеет отчетливо выраженный национальный, неортодоксальный и неоправославный характер. При этом К., как личность весьма активная, утверждает свои неоправославные идеалы не только в своем худож. творчестве и философско-религиозно-историческом эссеистике, но и в своей общественной деятельности. Так, например, по ее инициативе Загорску было возвращено историческое имя Сергиев Посад (см. ее обращение «**Вернуть святое имя!**» // Лит. газ. 1990. 26 дек.; заметку «**Воскресение Сергиева Посада**» // Лит. газ. 1991. 25 сент.).

Плодотворно К. работает как прозаик, переводчик, культуролог и лит. критик (см., например, ее статьи «**Козетта и один Бартрам**» // Согласие. 1991. № 4; «**Восстановление смысла**» // Лит. газ. 1992. 11 марта; «**Светлый путь в темноте**» // Лит. газ. 2000, 29 нояб.— 5 дек.; «**Судьба, которую не засчитали**» // Лит. газ. 2001. 3–9 окт.; ее рассказы, опубликованные в ж. «Истина и жизнь» — 2000. № 4, 5, 6 и 7).

Соч.: Перечень причин (Из книг, которые пишутся) / вступ. статья С. Москвина «Доверься мне, мое Отечество». М., 1982; Чуть что: Стихотворная книга в пяти час-

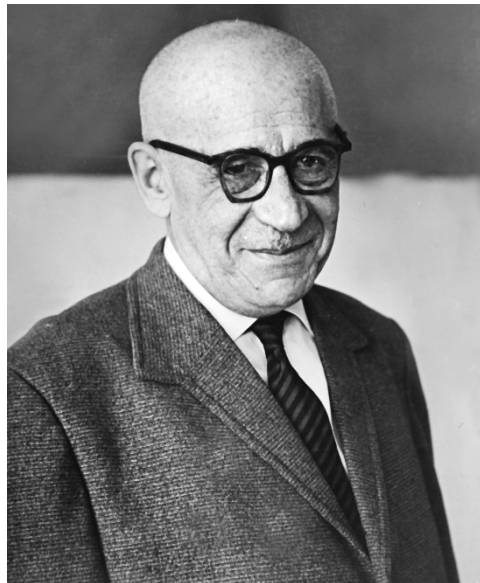
тах. М., 1987; Область: Стихотворения, баллады, рассказ, сценарий / послесл. «От автора». М., 1989; [Ответ на анкету «В начале была Правда» — о правде жизни и правде искусства] // Поэзия: альм. М., 1988. № 49. С. 13–15; [Ответ на анкету «Молодые — о себе»] // Поэзия: альм. М., 1990. № 55. С. 80–81; Поворот ключа в замке [Стихи] // Новый мир. 1998, № 7; Талды-Кустанай [Стихи] // Знамя. 1999. № 2; Тридцать восемь килограммов Жеки. Тая: Грязная дорожка в рай. Александра Ивановна: Кипарисовые руки. Антонина: глядящая по голове: рассказы // Истина и Жизнь. 2000. № 4, 5, 6, 7; Утюг: Характеристика: [Стихи] // Новый мир. 2000. № 9.

Лит.: Евтушенко Е. Огорчения и надежды // Поэзия: альм. М., 1979. Вып. 24. С. 72; М., 1980. Вып. 28. С. 74; Роднянская И. Молодо-зелено // Юность. 1984. № 1. С. 83; Эпштейн М. Поколение, нашедшее себя; Шайтанов И. Преимущественно о тридцатилетних: [Пути и проблемы молодой поэзии] // Вопр. лит.-ры. 1986. № 5; Мальгин А. Задержанное поколение // Октябрь. 1988. № 10; Щуплов А. // Пишу о главном... // Книжное обозрение. 1990. 20 апр.

М. Ф. Пьяных

КУЗИН Борис Сергеевич [28.4(11.5).1903, Москва — 26.4.1973, пос. Борок Ярославской обл.] — прозаик, поэт, переводчик.

Родился в семье бухгалтера. Отец К., Сергей Григорьевич, человек оригинальный и талантливый, отличался редкими способностями к языкам и музыке, был энтомологом-любителем. Мать, Ольга Бернардовна, прекрасно играла на фортепиано. У Кузиных было пятеро

Б. С. Кузин

детей (старшая дочь умерла в детстве от дизентерии). Семья была очень дружной, в доме постоянно звучала музыка. Любовь к природе, к музыке, лит-ре, языкам передалась и детям, в особенности Борису. В 1910 семья переехала на постоянное жительство на станцию Удельная (30 верст от Москвы по Казанской дороге). Здесь прошло детство и ранняя юность К. В 1913 он поступил в знаменитую среди интеллигенции Малаховскую гимназию. С особой благодарностью К. вспоминал учительницу лит-ры Марию Александровну Рыбникову. Уже в гимназии К. овладел тремя основными европейскими яз. Латинским же он был так увлечен, что не захотел прервать занятия им после революции, когда латынь в школе отменили, и ходил на дом к бывшему директору, страстному латинисту, чтобы читать в подлиннике Горация.

В 1920, окончив среднюю школу, К. поступил на естественное отделение физико-математического ф-та Московского ун-та. Еще до окончания университетского курса занимался науч. исследованиями, а также работал в качестве младшего науч. сотрудника, чтобы материально поддерживать семью, для которой К. как старший сын остался главной опорой после смерти отца в 1919.

С 1925 по 1935 К. работал в должности старшего науч. сотрудника в Зоологическом музее и Ин-те зоологии при МГУ. В 1930 он был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, но вскоре освобожден. Через некоторое время последовал второй арест. В начале 1935 К. был арестован и 20 июня 1935 Особым совещанием при НКВД СССР осужден на 3 года лишения свободы. После освобождения он устроился на опытную сельскохозяйственную станцию Шортанды (Северный Казахстан). Здесь К. прожил до 1944, затем переехал в Алма-Ату и до сент. 1953 работал на Республиканской станции защиты растений Казахского филиала ВАСХНИЛ. В 1944 получил степень канд. сельскохозяйственных наук, а в 1951 — степень доктора биологических наук.

Последние 20 лет К. прожил в пос. Борок Ярославской обл., работая в Ин-те биологии внутренних вод АН СССР, организованном и возглавляемом легендарным исследователем Арктики И. Д. Папаниным.

К. писал: «Всякая биография, собственно, сводится к встречам». Одним из событий, отмечающих важнейшие этапы жизни, была для К. встреча с поэтом О. Э. Мандельштамом, творчество которого он и раньше знал и высоко ценил. Личное знакомство их произошло в 1930, когда К. был в командировке

в Армении. В своих воспоминаниях «**Об О. Э. Мандельштаме**» К. подробно описывает знакомство с поэтом и его женой, которое перешло в тесную дружбу, не прекращавшуюся вплоть до вынужденной разлуки. Эта дружба сыграла большую роль в жизни и творческой биографии Мандельштама, о чем свидетельствуют строки из его стих. «К немецкой речи», посвященного К.: «Когда я спал без облика и склада, / Я дружбой был, как выстрелом, разбужен». В письме к М. С. Шагиной от 5 апр. 1933 Мандельштам писал о К.: «Личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Ему и только ему я обязан тем, что внес в литературу период т. н. „зрелого Мандельштама“».

Долгое время имя К. упоминалось литературоведами только в связи с О. Э. Мандельштамом. Собственное лит. творчество К. (за исключением тех же воспоминаний о Мандельштаме) было известно разве что узкому кругу знакомых. Между тем он — автор великолепных прозаических произведений, в которых выступает как человек оригинально мыслящий, обладающий безукоризненным слогом и незаурядным чувством юмора. Ему принадлежит большое количество стих., в которых сквозь явственное влияние Мандельштама проступает самобытный поэтический голос. Очень интересны и ценны (в т. ч. и с лит. точки зрения) письма К., которых он написал множество. «Так уж сложилась жизнь, — пишет друг К. М. А. Давыдов, — что этот на редкость общительный человек, щедро наделенный даром любви и дружбы, мог общаться со всеми близкими и дорогими людьми только путем переписки. <...> И в этой форме общения он достиг подлинного мастерства. Изящество и ясность эпистолярного языка Бориса Сергеевича восхитали Л. Н. Гумилева, одного из его адресатов (да и других, несомненно, тоже)».

К. не был профессиональным писателем. Однако лит. занятия были для него не привеском к науч. деятельности, а выражением насущной потребности реализовать творческое, художническое начало, которым он был одарен в той же мере, как и талантом ученого-теоретика. Лит. творчество было для него не менее важно, чем научное. «Нет разных Борисов Кузиных, отдельно существующих в зоологии, в музыке, в поэзии, в поведении с людьми, во взглядах на общество и т. п. Все это теснейше связано в одном лице». Однако если список науч. трудов К., напечатанных при его жизни, достаточно внушителен, то худож. произведения начали публиковаться

лишь спустя 15 лет после его смерти, а объемное (хотя и далеко не полное) издание его сочинений увидело свет только в 1999. Дело в том, что свободу выражения своих мыслей К. ставил выше удовольствия видеть плоды своих раздумий напечатанными, но в искаженном виде. В «Предисловии ко всем моим неопубликованным сочинениям» он пишет: «Допускаю, что мои представления и мысли <...> могут быть интересны и кому-нибудь другому. Но они могут быть представлены только как нечто единое, цельное. Между тем сделать это нет никакой возможности. У нас печатается только то, что вполне соответствует официально принятой и преподанной идеологии. Но я думаю о многих вещах совсем по-другому, чем это требуется. <...> Коротко говоря, мне хочется выдать наружу то, что составляет мою внутреннюю жизнь, а сделать это трудно. За протво совсем правдивого писания я плачу отказом от того, что называется успехом в жизни. <...> Самый большой тираж моих произведений — 3 экземпляра. Это если они перепечатаны на машинке. И пускаю я их не в широкий свет, а даю прочитать то или другое немногим моим друзьям, которым оно может быть интересно. Может даже случиться, что какие-то мои рукописи уцелеют после моей смерти. Но шансы этого невелики».

Лит. творчество К. охватывает почти 40-летний период его жизни — с 1930-х по 1973. Основная масса прозаических вещей была написана в 1960–70-е. Самое раннее из сохранившихся стих. датировано 1935; последнее было написано 20 апр. 1973.

К прозаическим произведениям К. трудно приложить четкое жанровое определение. Сам К. называл их «разговорами». Чаще всего это написанные в свободной форме небольшие, но очень емкие по мысли лирико-философские эссе, посвященные размышлениям об искусстве («**Орбита Баха**», «**Экран**», «**О театре и об актерах**»), о различных сторонах человеческой природы и общественной жизни («**О самом страшном**», «**Язык**», «**Похвала глупости**», «**Зачем земля круглая**» и др.). В рассуждения автора органически вплетены автобиографические элементы. С др. стороны, мемуарная и автобиографическая проза К. (Воспоминания о Московском университете, «Об О. Э. Мандельштаме» и мелкие рассказы, например, «**Случай на трамвайной остановке**», «**Ave Maria**» и др.) пронизана раздумьями о проблемах общечеловеческого характера. В высшей степени присущее К. чувство юмора не только проявляется во всех

его сочинениях, но и находит свое воплощение в ряде блестящих юмористических рассказов и сатирических памфлетов («**Пуговица**», «**О фильтрации информации**», «**Сон**», «**Разговор с командировочным товарищем**», «**Раковый корпус**» и др.)

Дошедшее до нас (вероятно, не полностью) поэтическое наследие К. включает около 100 лирических стих., в которых отразились и внутренний мир автора, и окружающая атмосфера. В 1938 К. пишет: «Звезды с крысиным сбегаются писком / На маловодной зари водопой. / Книги сжигают по ябедным спискам. / Шепотом люди о самом о близком, / Ставни закрыв, говорят меж собой. / И никогда не узнают потомки / Слов отреченья в чугунной ночи. / Солнце в кутузке и совесть в котомке... / Шорохи... Тайна... Потемки, потемки... / Слышишь ли? Дышишь ли?.. Тише! Молчи!» В мотивах и образах поэзии К., особенно в 1930–40-е, можно проследить влияние творчества О. Мандельштама. Прекрасный знаток и тонкий ценитель европейской поэзии, чувствующий себя в ней «как дома», К. насыщает свои стихи реминисценциями, цитатами, эпиграфами из Гете, Ницше, Вийона, Бодлера, Верлена и др. Рядом с оригинальными стих. мы находим у него «**Подражание Рильке**», перевод элегии Катулла. Любимейший род искусства — музыка — служит опорой безупречного ритма и мелодичности стих. К., а также обогащает их тонкими сравнениями и ассоциациями («Юность, вся в цвету воспоминаний, / Вся в октавах, как прелюд Пуньяни»; «Из четырех в квартете всех прекрасней / Альтовый голос. В нем заключено / Роптанье совести. А в нас оно / День ото дня все глуше, все безгласней»). Отразилось в поэзии К. и его увлечение живописью: «**Душа художника спала...**» (о картине Ван Гога «Ночное кафе»), «**Вышивальщица**»; запоминаются яркие образы, навеянные художниками, напр.: «Сезанновским яблоком крупно круглится / Созревшей земли темно-синяя даль». Глубоко усвоенная культура прошлого, сливаясь с миром чувств и жизненным опытом неповторимой личности, создает своеобразный поэтический почерк К. Мудростью и внутренней гармонией дышат стихи К. последних лет. Наряду с серьезными К. написал также большое количество юмористических стих., многие из которых отличаются тонким остроумием и изяществом формы.

Несомненную лит. ценность представляет обширное эпистолярное наследие К. (пока еще очень мало изученное). Прозаические «разговоры» К. во многом являются продол-

жением и завершением тех бесед, которые он вел в переписке с близкими людьми. В письмах формулировались мысли К. и оттачивался его слог.

Превосходно владея несколькими европейскими яз., К. на протяжении жизни изучал все новые яз. (так, в 1940-е он с увлечением занимался древнегреческим). Главной его целью была возможность читать шедевры мировой лит-ры в подлиннике. Кроме того, он, естественно, много переводил. В архиве К. сохранились переводы прозаических сочинений разных авторов. К сожалению, до нас дошло очень мало стихотворных переводов К., хотя известно, что он много и плодотворно ими занимался, а также серьезно размышлял о принципах перевода поэтических текстов. Эта сторона лит. деятельности К. еще ждет исследования и публикации.

В 1970 К. писал «У меня <...> нет ничего кроме того, что я пережил и передумал. Из этого состоит вся моя жизнь и весь ее итог <...>. А жизнь мне была дана прекрасная. И тем, что я пишу обо всем, что мне давало наивысшее счастье или что меня мучило, я, как могу, благодарю того, кто мне дал эту жизнь».

Соч.: Об О. Э. Мандельштаме // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1987. № 3. С. 133–144; Я дружкой был, как выстрелом, разбужен... // *Даугава*. 1988. № 11. С. 112–118; *Воспоминания // Дружба народов*. 1995. № 11. С. 92–132; *Воспоминания. Произведения. Переписка*. 192 письма к Б. С. Кузину Н. Мандельштам. СПб., 1999.

Лит.: Папанин И. Д. Лед и пламень. М., 1977. С. 391, 399–401; Кузина Г. С. Материалы к биографии Б. С. Кузина // «Сохрани мою речь». Мандельштамовский сб. М., 1991. [№ 1]. С. 65–68.

Е. А. Пережогина

КУЗМИН Михаил Алексеевич [6(18).10.1872, Ярославль — 1.3.1936, Ленинград] — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик.

Из старинного дворянского рода, одним из предков по материнской линии был приехавший при Екатерине II в Россию французский актер Жан Офрен, знавший Вольтера и игравший в его пьесах. В 1874 семья переезжает в Саратов, затем в 1884 в Петербург. К. учится в 8-й гимназии вместе с Г. В. Чичериным (будущим гос. деятелем СССР), который на долгие годы становится его близким другом и confidantом. В 1891 поступает в Петербургскую консерваторию (учится у Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова); не окончив ее, уходит, продолжая обучение

М. А. Кузмин

частным образом. В дальнейшем им была написана музыка к имевшим шумный успех постановкам блоковского «Балаганчика» (1906) и ремизовского «Бесовского действия» (1907).

У истоков худож. миросозерцания К.— мечтательность впечатлительной детской души, обделенной родительским теплом. Провинциальная жизнь питала впечатлительность мальчика чарующими картинами: «Темные зимние вечера у печки, <...> я зачитывался Гофманом! <...> Потом помню себя совсем маленьким осенью при вечерней заре, когда прислуга рубит капусту в сарае; запах свежей капусты и первый холод так бодр; небо палево, и нянька вяжет чулок, сидя на бревне. И с мучительной тоскою смотрю я на небо, где летит стая птиц на юг. „Нянька, куда же они летят-то, скажи мне?“ — со слезами спрашиваю я. „В теплые страны, голубчик“. И ночью вижу голубое море, и палевое небо, и летящих розовых птиц» (Из письма Чичерину 18 июля 1893 // Богомолов Н.— С. 13). В юности совершает два путешествия по югу Евразии (Турция, Египет, Греция — 1895; Италия — 1897), возбудившие в нем острый соблазн эстетического проникновения в прошлые эпохи этих стран: «Я положительно безумею, когда только касаюсь веков около первого; Александрия, неоплатоники, гностики, императоры меня сводят с ума и опьяняют или, скорее, не опьяняют, а наполняют каким-то эфиром; не ходишь, а летаешь, весь мир доступен, все достижимо, близко <...> рано или поздно смогу выразить это и хоть до не-